

ОТКУДА НА РУСИ ЕСТЬ ПОШЕЛ ЗАПРЕТ НА «РАННЕЕ ЗАКРЫТИЕ»

Д.А. Алексеев, О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dnl.alksv@gmail.com, olga.fedorova@msu.ru

Аннотация: Феномен раннего-позднего закрытия представляет большую важность для современной психолингвистики. Данное явление исследуется еще с 1970-х годов; за это время было определено не только влияние различных факторов — как собственно лингвистических (длина предложения, «разрывность» придаточного), так и экстралингвистических (объем рабочей памяти испытуемого) — на разрешение определенного вида синтаксической неоднозначности, но и закономерности, охватывающие конкретные языки в целом. Так, на основании результатов экспериментов на материале русского языка считается, что русскоговорящие предпочитают интерпретировать предложения вида *Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе* в пользу 'На балконе стояла служанка', нежели чем 'На балконе стояла актриса'. Тем не менее, некоторые испытуемые выбирают вторую интерпретацию, руководствуясь неким нормативно-грамматическим правилом, которому они были обучены еще в школе. Источник этого правила долгое время оставался неясным. В настоящей статье прослеживается история запрета на раннее закрытие в нормативных грамматиках русского языка вплоть до начала XIX века. При помощи примеров из релевантных грамматических сочинений и справочников по литературному редактированию показано, как этот запрет менял свою форму — от простого обобщения линейной позиции придаточного определительного до прямого запрета, который был призван избавить литературные тексты от какой-либо неоднозначности. Наличие аналогичных стилистических ограничений в других национальных литературных традициях может стать отдельным фактором, который необходимо учитывать при определении языков как языков с предпочтением раннего или позднего закрытия.

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность; раннее-позднее закрытие; нормативная грамматика; К.И. Былинский; Д.Э. Розенталь; Н.И. Греч

doi: 10.5959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-3

Для цитирования: Алексеев Д.А., Федорова О.В. Откуда на Руси есть пошел запрет на «раннее закрытие» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 36–45.

THE ORIGINS OF THE EARLY CLOSURE BAN IN THE RUSSIAN LITERARY STANDARD

Danil A. Alekseev, Olga V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dnl.alksv@gmail.com, olga.fedorova@msu.ru

Abstract: The Early and Late Closure phenomenon has been present in the psycholinguistic spotlight since the 1970s. Decades of research on the topic have shown not only that resolving attachment ambiguity is influenced by such factors as the length of the relative clause and speaker's working-memory capacity, but that speakers of different languages tend to prefer either Early or Late Closure. Investigations of attachment ambiguity in Russian have come to the conclusion that Russian is a language with a preference towards Early Closure. However, during the trials some speakers of Russian claim that high attachment is ungrammatical and justify their view by some kind of grammatical rule they have been taught in school. The origins of this supposed rule have so far been unknown. The article at hand shows that the Early Closure Ban in literary Russian has its roots in works on Russian grammar that date back to the early 19th century. This rule evolved from a simple generalization of the linear position of relative clauses to an outright ban which came to life with the advent of Soviet mass media. Such stylistic guidelines in other literary standards are theorized to be factors which need to be accounted for when conducting research on attachment ambiguity in languages of the world.

Keywords: attachment ambiguity; Early and Late Closure; literary standard; Ditmar E. Rozentel'; Konstantin I. Bylinskii; Nikolay I. Grech

For citation: Alekseev D.A., Fedorova O.V. (2023) The Origins of the Early Closure Ban in the Russian Literary Standard. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 36–45.

1. Введение. Синтаксическая неоднозначность в современной психолингвистике

Традиционно в психолингвистике синтаксический анализ считается ключевым компонентом моделей как порождения, так и понимания речи. Важную роль при построении таких моделей играют **синтаксически неоднозначные предложения** (в отечественной традиции чаще используется термин «синтаксическая омонимия», см., например, [Иорданская 1967]). В целом синтаксическая неоднозначность может возникать из разных источников. Так, классическое английское предложение *Visiting relatives can be boring* может быть понято как в том смысле, что родственники скучны, так и в том смысле, что посещать родственников скучно. Этот тип неоднозначности в англоязычной традиции называется “syntactic category ambiguity”, в отечественной — «разметочная синтаксическая омонимия». Другой большой класс носит название “attachment ambiguity”

(или «стрелочная синтаксическая омонимия» в отечественной традиции); настоящая статья будет посвящена одному частному типу стрелочной омонимии, а именно феномену «**раннего-позднего закрытия**».

Считается, что сложноподчиненные предложения с определительными придаточными, модифицирующими имя существительное, входящее в состав сложной именной группы, например, *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе*, допускают две интерпретации: придаточное может относиться как к первому существительному («**служанка** стояла на балконе», так называемое раннее закрытие), так и ко второму («**актриса** стояла на балконе», позднее закрытие). Выбор интерпретации может зависеть от различных факторов, в частности таких, как длина придаточного предложения (чем короче придаточное предложение, тем больше вероятность его присоединения ко второму имени существительному) или объем вербальной рабочей памяти испытуемого (чем меньше объем вербальной рабочей памяти, тем больше вероятность присоединения придаточного предложения к первому имени существительному).

Со временем выяснилось, что феномен раннего-позднего закрытия устроен по-разному в разных языках. Первые эксперименты были проведены еще в 1970-х годах на материале английского языка. Испытуемых¹ просили прочитать предложение, а потом выбрать одну из двух предлагаемых интерпретаций. Оказалось, что англоговорящие испытуемые статистически значимо чаще выбирали вариант с поздним прочтением. Однако в 1988 году была опубликована статья Ф. Куэтоса и Д. Митчелла (см. [Cuertos, Mitchell 1988]), которые, проведя параллельные эксперименты с носителями английского и испанского языков, обнаружили, что в то время как англоговорящие испытуемые в предложениях типа *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony* чаще выбирали позднее прочтение, испаноговорящие, прочитав эквивалентное предложение типа *Alguien disparó contra la criada de la actriz que estaba en el balcón*, предпочитали раннее («**la criada** estaba en el balcón», «служанка стояла на балконе»). На настоящий момент распределение изученных языков по типам раннего-позднего закрытия выглядит следующим образом, см. таблицу 1:

¹ В англоязычной традиции термин 'subject' в последние годы был заменен термином 'participant'; что касается русскоязычной традиции, то в настоящий момент в ней продолжают параллельно использоваться термины «испытуемый» и «участник»; в настоящей статье мы сохранили более традиционный термин «испытуемый».

Предпочтительность раннего или позднего закрытия по языкам²

Раннее закрытие	Позднее закрытие
хорватский, нидерландский, французский, польский, африкаанс, немецкий, итальянский, испанский, греческий, хинди, японский, корейский, болгарский, персидский, русский	английский, норвежский, шведский, румынский, баскский, бразильский португальский, арабский, китайский

Как видно из таблицы, русский язык относится к языкам с предпочтением раннего закрытия. Более того, экспериментально установлено, что это предпочтение оказывается достаточно сильным, в среднем от 65 до 80 % (подробнее см. работы [Sekerina 2003; Sekerina, Fedorova 2004; Федорова, Янович 2005]; данные исследования были проведены в одной экспериментальной парадигме, что делает возможным их сопоставление; обзор других подобных исследований см. в книге [Черниговская, Петрова 2018]). Тем не менее, некоторые испытуемые разных возрастов регулярно предпочитают позднее закрытие, мотивируя это неким правилом, согласно которому по нормам русского языка разрешено присоединять придаточное предложение с *который* только к последнему из двух имен существительных. В данной статье, оставив в стороне экспериментальную составляющую, мы проследим, какие работы могут являться источником этого правила.

2. Истоки запрета на раннее закрытие в нормативных и традиционных грамматиках

Несмотря на предпочтение носителями русского языка раннего закрытия, различные грамматические источники запрещают его, косвенно или прямо, уже с начала XIX века. Рассмотрим путь развития этого запрета в обратном хронологическом порядке на материале нормативно-описательных и описательных грамматик, стилистических справочников, а также традиционных грамматических описаний русского языка. Эти издания, на наш взгляд, формируют основу того, что можно назвать нормой современного русского литературного языка, то есть «совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в той или иной коммуникативной ситуации» [Крысин 2007: 6].

² Полные библиографические ссылки на исследованные языки можно найти, в частности, в работе [Федорова, Янович 2005].

В задании № 8 единого государственного экзамена (далее — ЕГЭ) по русскому языку выпускникам школ предлагается проанализировать список предложений, ряд которых содержит некоторые ошибки, не допускаемые литературной нормой. В частности, к ним относится и раннее закрытие придаточного определительного, классифицируемое как «ошибка в построении сложного предложения». На одном из сайтов по подготовке к ЕГЭ указывается, что «неверное присоединение придаточной части создает неоднозначность восприятия смысла предложения», а придаточное предложение должно стоять «после того слова, к которому относится». Приводится пример: предложение *В письме говорилось, что в город, которым управляет Сквозник-Дмухановский, едет ревизор* противопоставлено своему ошибочному варианту вида *В письме говорилось, что в город едет ревизор, которым управляет Сквозник-Дмухановский* (<https://rustutors.ru/egeteoriya/1141-zadanie-8.html#hmenu-10>). Стоит отметить, что приведенная выше формулировка правила о порядке присоединения придаточного определительного ставит под сомнение грамматичность, например, предложения *Те, кто участвовал в спасении челюскинцев, которое широко освещалось в прессе, работали в тяжелейших условиях*, которое встречается в одном из пробных вариантов задания № 8.

В явном виде запрет на раннее закрытие появляется в 1957 году во влиятельной работе «Литературное редактирование» К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя (цитируется по переизданию 2011 г. [Былинский, Розенталь 2011]). В п. 6 § 121 («Стилистические ошибки в сложном предложении») говорится: «Нередко нарушается порядок слов в определительных придаточных предложениях. По правилу союзные слова *который, какой, чей* замещают ближайшее к нам предшествующее существительное, однако это положение не соблюдено в таких, например, предложениях: *Впереди неслись лошади казаков, которые были покрыты пеной...*» [Былинский, Розенталь 2011: 337]. Далее даются рекомендации по избеганию подобного рода неоднозначностей: предлагается уточнять корректный по смыслу антецедент при помощи коррелятивных местоимений *тот* и *такой* или и вовсе заменять придаточное определительное на причастный оборот. Данная работа, как нам представляется, легла в основу «Справочника по правописанию и литературной правке» [Розенталь 1967], который был издан уже после смерти К.И. Былинского, поскольку структура двух справочников является довольно схожей. «Справочник по правописанию и литературной правке» пережил 16 изданий и оказал значительное влияние на развитие нормативной грамматики русского языка.

Тем не менее, «Литературное редактирование» не является первой работой, где эксплицитно обозначен запрет на раннее закрытие сложных предложений с определительными придаточными. В 1944 году вышло справочное пособие «Язык газеты» [Кондаков 1944], состоявшее из трех разделов: в первом давалась сводка высказываний деятелей марксизма-ленинизма о русском языке, второй содержал руководство по практической стилистике для работников газет, а третий был посвящен толковым словарям русского языка. Авторами разделов стали, соответственно, Б.В. Яковлев, К.И. Былинский и В.В. Виноградов. В п. 6 главы XVI второго раздела, который посвящен сложным предложениям, приводятся «недостатки в построении сложного предложения». В частности в пп. е) указывается, что «[придаточные определительные] нужно ставить непосредственно после того слова, к которому они относятся», а нарушение этого правила является «источником многочисленных ошибок» [Кондаков 1944: 346]. В этом издании дается следующий пример неоднозначного предложения: *В нашей газете не помещают итогов соревнования в цехах, мало пишут о борьбе за качество продукции, которая ведется лучшими людьми фабрики.*

Из непосредственно нормативных грамматик, изданных в XX веке, примечательна «Грамматика русского языка» 1952 года, составленная Институтом языкознания АН СССР. В ней указывается, в частности, что придаточное определительное «обычно следует непосредственно за тем членом главного предложения, к которому оно относится» [Грамматика 1952: 275], вне зависимости от того, находится оно на правой периферии матричной клаузы или в его середине. Кроме того, в Грамматике-52 уточняется, что иногда определить, к чему относится придаточное с *который* возможно только по смыслу: в качестве примера приводится предложение *Порфирий положил щенка на пол, [который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю]*, где грамматически заключенная в квадратные скобки клауза может модифицировать как существительное *щенка*, так и существительное *пол*, однако прагматически, естественно, может относиться лишь к первому. Примечательно, что в совместной работе К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя (см. [Былинский, Розенталь 2011]) приводится пример такого неоднозначного предложения, где обе интерпретации являются более-менее равновероятными в силу действия семантических факторов: *Силами самодеятельности был дан спектакль в новом Доме культуры, какого мы до сих пор никогда не видели.*

Анализ прочих нормативных грамматик, изданных за последние 300 лет, показал, что первоисточником «правила», на которое ссылаются Д.Э. Розенталь и К.И. Былинский в своей работе 1957 года,

являются труды Николая Ивановича Греча. В «Практической русской грамматике» Н.И. Греч пишет: «Придаточныя прилагательныя предложения поставляются непосредственно за именемъ существительнымъ, къ которому относятся; напримѣръ: Время года, въ которое все цвѣтетъ, именуется весною. Человекъ, котораго мы любимъ, иногда можетъ намъ быть несносенъ» [Греч 1927: 449]. Подобных указаний на порядок следования придаточных определительных предложений нельзя найти ни в других грамматиках, изданных современниками Н.И. Греча (к каковым можно отнести, например, А.Х. Востокова), ни в более ранних грамматиках, в том числе в «Российской грамматике, сочиненной Императорской Российской академией» и в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова.

3. Заключение. Некоторые выводы

Итак, мы показали, что нормативные грамматики русского языка уже с начала XIX века запрещают или по крайней мере не рекомендуют присоединять придаточное предложение с *который* к последнему имени существительному в сложноподчиненных предложениях русского языка. Экспериментальные психолингвистические исследования последних лет, тем не менее, демонстрируют предпочтение именно этого способа разрешения синтаксической неоднозначности в русском языке. Какие выводы можно сделать из вышеописанного положения вещей?

Во-первых, посмотрим на эту ситуацию с точки зрения экспериментальной психолингвистики. Большинство испытуемых психолингвистических экспериментов составляют студенты, то есть недавние выпускники школ, которые могут хорошо помнить подобные запреты и рекомендации. Осознанно или не осознанно они могут их придерживаться, тем самым искажая картину реального соотношения случаев раннего и позднего закрытия. Таким образом, преобладание «раннего» закрытия в русском языке может оказаться еще более высоким. Кроме того, по-видимому, после окончания эксперимента имеет смысл проводить с испытуемыми так называемые самоотчеты, то есть спрашивать их, заметили ли они примеры с синтаксической неоднозначностью, какую интерпретацию выбирали в таких случаях, помнят ли они соответствующие правила. Как нам представляется, стоит оставлять в экспериментальных выборках только таких испытуемых, которые руководствовались не подобными правилами, а языковой интуицией.

Во-вторых, с практической точки зрения преподавания русского языка в школе, возможно, стоит вообще отказаться от подобных правил, так как они, как представляется, не соответствуют современным грамматическим нормам русского языка. Мы понимаем,

разумеется, что данную рекомендацию будет очень сложно осуществить на практике.

Наконец, некоторые выводы можно сделать и с общетеоретической типологической точки зрения. С одной стороны, интересно было бы исследовать вопрос, есть ли в других национальных традициях аналогичные стилистические ограничения и запреты — например, для английского языка в США или в Великобритании, для французского во Франции или румынского в Румынии (возможно даже, окажется, что Н.И. Греч опирался на какие-то зарубежные стандарты того времени). Если такие рекомендации действительно существуют, то не исключено, что «реальное» предпочтение позднего закрытия в английском или румынском языках может оказаться не таким сильным, как сейчас считается. В любом случае, на материале русского языка фактор «влияние стилистической нормы» необходимо включать в рассмотрение наряду с упомянутыми выше факторами длины придаточного предложения или объема вербальной рабочей памяти испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Былинский К.И., Розенталь Д.Э.* Литературное редактирование: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.
2. Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 1. Синтаксис / *Виноградов В.В.* и др. (ред.). М., 1954.
3. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
4. *Иорданская Л.Н.* Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // *НТИ.* 1967. № 5. С. 9–17. М., 1967.
5. *Кондаков Н.И.* (ред.). *Язык газеты.* М., 1941.
6. *Крысин Л.П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении.* 2007. № 2. С. 5–17. М., 2007.
7. *Ломоносов М.В.* *Российская грамматика.* М., 1755.
8. *Розенталь Д.Э.* *Справочник по правописанию и литературной правке.* Для работников печати. М., 1967.
9. *Российская грамматика, сочинённая императорской Российской Академией.* СПб., 1802.
10. *Федорова О.В., Янович И.С.* Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: Роль длины и структуры придаточного // *И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей* (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог 2005* (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.). С. 487–490.
11. *Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / под ред. Т.В. Черниговской, Т.Е. Петровой.* 2-е изд. СПб., 2018.
12. *Cuetos F., Mitchell D.C.* Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition.* Амстердам: 1988. № 30. P. 73–105.
13. *Sekerina I.* The late closure principle in processing of ambiguous Russian sentences // *The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages.* Potsdam, 2003.

14. Sekerina I.A., Fedorova O.V. *Questionnaire studies of relative clause attachment ambiguity in Russian*. Рукопись, 2004. The City University of New York.

REFERENCES

1. Bylinskii K.I., Rozenal' D.E. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie* [Literary Editing: a Manual]. 3rd edition. M., *FLINTA: Nauka Publ.*, 2011. 400 p. (In Russ.)
2. Cuetos F., Mitchell D.C. Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition*. Amsterdam, 1988. № 30. P. 73–105.
3. Vzgl'yad kota Shryodingera: registraciya dvizhenij glaz v psiholingvisticheskikh issledovaniyakh [The gaze of Schroedinger's cat: eye-tracking in psycholinguistics] / od red. T. V. Chernigovskoj, T. E. Petrovoj. 2-e izd. SPb.: *Izd-vo S.-Peterb. un-ta*, 2018.
4. Fedorova O.V., Yanovich I.S. Razreshenie sintaksicheskoi mnogoznachnosti v russkom yazyke: Rol' dliny i struktury pridatochnogo [Resolving Syntactic Ambiguity in Russian: The Role of the Length and Structure of the Relative Clause] // Kobozeva I.M., Narin'yani A.S., Selegei V.P. (eds.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2005* (Zvenigorod, 1–6 iyunya 2005) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Works of Dialog 2005 International Conference (Zvenigorod, June 1–6 2005)]. 2005, pp. 487–490. (In Russ.)
5. *Grammatika russkogo yazyka*. T. 2, ch. 1. Sintaksis [Grammar of the Russian Language. Vol. 2, p. 1. Syntax] / eds.: Vinogradov V.V. et al. M.: *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1954. 703 p. (In Russ.)
6. Grech N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [A Practical Grammar of Russian] Saint Petersburg: *Tip. Imp. Sankt-Peterb. vospitatel'nogo doma*, 1827. 579 p. (In Russ.)
7. Iordanskaya L.N. Sintaksicheskaya omonimiya v russkom yazyke (s tochki zreniya avtomaticheskogo analiza i sinteza) [Syntactic Ambiguity in Russian (Concerning Speech Synthesis and Analysis)] // *NTI. [STI] 1967*. №5, pp. 9–17. (In Russ.)
8. Kondakov N.I. (ed.). *Yazyk gazety* [The Language of the Newspaper]. M., Leningrad: *Gos. izd. legkoi prom-sti*, 1941. 464 p. (In Russ.)
9. Krysin L.P. *Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika* [Russian Literary Standard and Modern Speech Practices] // *Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii* [The Russian Language and Linguistic Theory]. 2007. № 2, pp. 5–17. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. *Rossiiskaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg: *Pech. pri Imp. Akad. Nauk*, 1755. 216 p. (In Russ.)
11. *Rossiiskaya grammatika, sochinennaya imperatorskoi Rossiiskoi Akademiei* [A Grammar of Russian, written by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg: *Imperatorskaya tipografiya*, 1802. 355 p. (In Russ.)
12. Rozenal' D.E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke. Dlya rabotnikov pechati* [An Orthographic and Editing Manual for the Workers of the Press]. M.: *Kniga Publ.*, 1967. 408 p. (In Russ.)
13. Sekerina I. The late closure principle in processing of ambiguous Russian sentences // *The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages*. Potsdam, 2003.
14. Sekerina I.A., Fedorova O.V. *Questionnaire studies of relative clause attachment ambiguity in Russian*. Unpublished manuscript, 2004. The City University of New York.

Поступила в редакцию 11.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 11.09.2023

Received 11.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 11.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Алексеев Данил Андреевич — студент отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dnl.alksv@gmail.com

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Danil A. Alekseev — student of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dnl.alksv@gmail.com

Olga V. Fedorova — Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru